

Павел Алексеев

ЧЕРТОВО

18+

Туманы Черного леса. Триллеры, ужасы и мистика

Павел Алексеев

Чертово

«Animedia»

2023

Алексеев П. Н.

Чертово / П. Н. Алексеев — «Animedia», 2023 — (Туманы
Черного леса. Триллеры, ужасы и мистика)

ISBN 978-80-7499-422-7

Мирон Ушаков – черный копатель. Однажды Мирон отправляется в таинственное место под названием Чертово городище, чтобы раздобыть клад Кудеяра-разбойника. Однако все очень скоро начинает идти не по плану, и Мирон становится заложником страшного сказочного места, где у времени свои правила.

ISBN 978-80-7499-422-7

© Алексеев П. Н., 2023

© Animedia, 2023

Содержание

Белые кости	6
Пыльной дорогой	9
Стук топора	14
Козье молоко и свечи	20
На другом берегу	22
Закрытое сообщество	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Павел Алексеев Чертово

© Павел Алексеев, 2023

© Издание, оформление. Animedia Company, 2023

Белые кости

Глыбы диковинных форм, покрытые мхом, как малахитом, хранили в себе нечто большее, чем просто тайну. Птичьему глазу они виделись незыблемыми плитами, аккуратно сложенными в одном месте руками нечеловеческой силы. Ладонь так и тянулась погладить их, почувствовать влагу многовековой жизни, изученной, но далекой от человеческого сознания. Скрытые тенью столетних сосен на вершине Шутовой горы, валуны смотрелись инородно, а потому и обросли пугающими легендами.

Безрадостный взгляд миновал урочище и устремился в немую глушь. Тяжелые подошвы кирзовых сапог вмялись в топкую почву. Лезвие ножа скользнуло по рослому стержню гриба. Подберезовик слегка наклонился, а через секунду упал на сырую землю, из которой пробивались травинки осоки. Мужчина средних лет в джинсовой куртке и черной кепке подобрал добычу и аккуратно положил в корзину, полную других грибов. После этого он посмотрел сквозь туманную дымку. В нескольких шагах от него виднелась маленькая зеленая полянка, встречающая гостя россыпью пышных коричневых шляпок на толстых ножках.

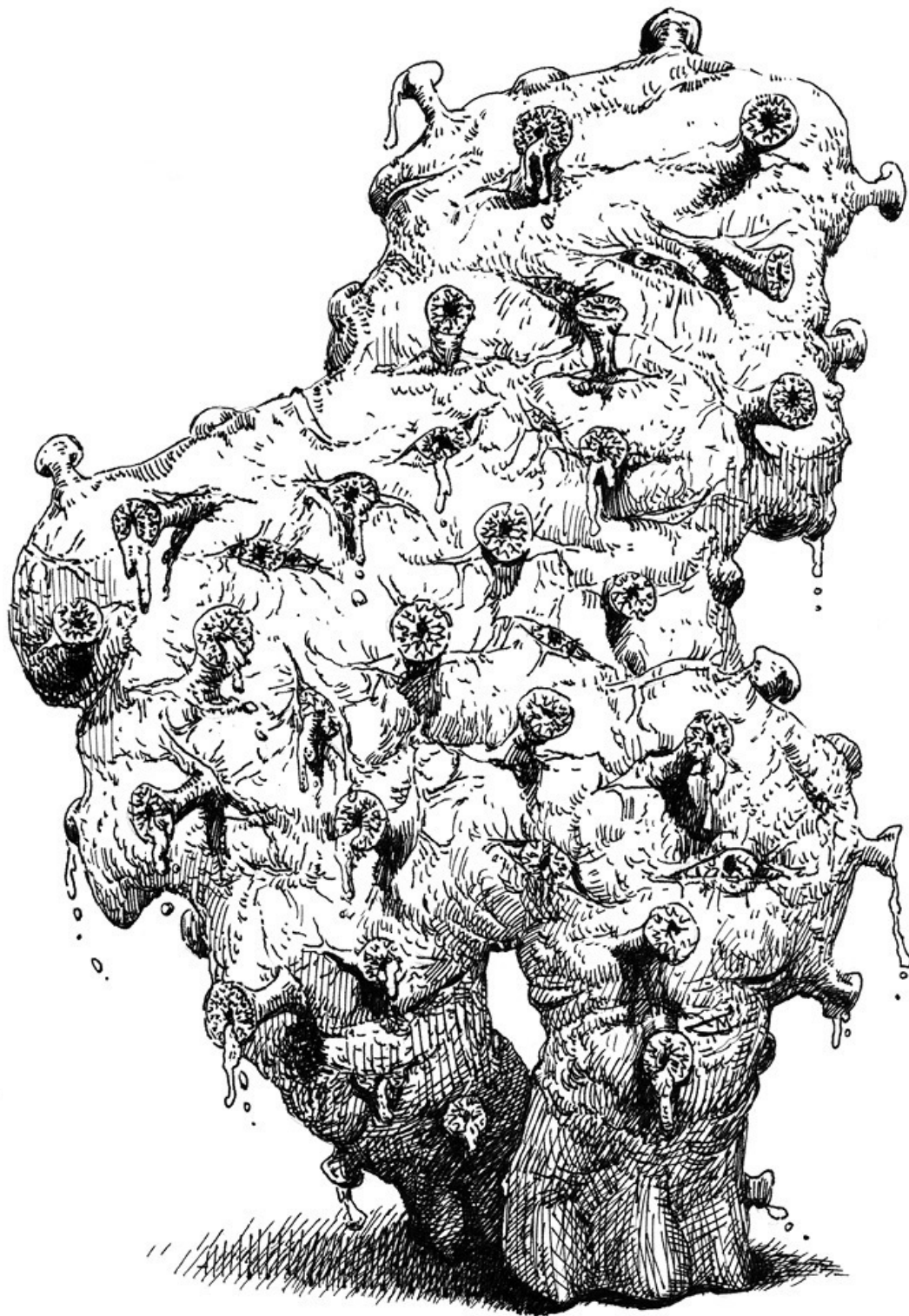
Растянув губы в азартной улыбке, грибник ступил вперед и мгновенно ощутил слабость в ногах. Тело обдало жаром, руки затряслись, желудок скрутило, но без боли, словно от нахлынувшего голода. Грудь обожгло, и грибник нервно бросил руку к золотому крестику на цепочке. Шипя от боли, он все же смог сорвать его с шеи и кинуть на землю. На ладони остались красные следы. Крестик испускал пар, обдавал холодом, и холод этот был несравним с самыми глубокими льдами Антарктиды.

На уши давила могильная тишина. Воздух не наполнился птичьими трелями. Полнейшее молчание, не колеблемое даже ветром. Аромат лесной свежести сменился запахом серы. Над головой небо – не такое, как пару минут назад. Оно выглядело немного шершавым, как нарисованным на холсте.

«Что это?» – спросил себя грибник и устремил взор вдаль. Странные чувства одолевали разум, озноб колотил, а ноги едва не подкашивались при виде удивительной картины: густой до этого лес поредел, а грибная поляна и вовсе исчезла.

Грибник сделал шаг назад – к розовой пленке, к пересеченной им невидимой границе. Чувство страха тенью мелькнуло на тощем лице. Он двигался, но будто стоял на месте.

За спиной прозвучал стон, точно просящий о помощи, жалобный, но в то же время стылый, как сама смерть. Рука невольно ослабла. Корзина с грибами упала на землю. Нечеловеческий стон вновь расщепил острую тишину. Теперь он гремел тверже и ближе. Грибник обернулся. Перед ним стояло нечто, существо, не похожее ни на что на этой планете, как кусок необработанной глины. Оно едва переставляло тучное подобие ног и, казалось, явилось ниоткуда. Ни рук, ни головы. Слизкая кожа, покрытая шрамами, шевелилась, словно под ее толстым слоем кишели черви. Бледные рубцы расходились по мере приближения к жертве. Это были не шрамы – что-то похожее на присоски, как у пиявок. Из множества глубоких кlyкастых отверстий доносились стоны, точно каждая душа, сожранная этим чудовищем, взывала о помощи, страдала, находясь внутри уродца. Оно испускало неприятный кисломолочный запах.

Мужчина отшатнулся, трясущейся рукой перекрестился. Губы шелестели, еле слышно читая молитву. Обреченный взгляд не сползал с монстра, приблизившегося почти вплотную. Острозубые пасти, как слизи, вытянулись и коснулись одежды несчастного. Тягучие кроваво-красные капли ползли по джинсовой куртке. Безумный крик – последнее, что разбудило глухую пустоту. Белые кости рассыпались по земле, а пропитанные кровью обрывки одежды покрыли их.

Имя мужчины в ближайшие недели будет с трагическим вздохом срываться с уст соседей по подъезду и мельтешить в газетах и на страницах социальных сетей в интернете. Когда группы поисковиков опустят руки, а траурный звон колоколов сольется с ревом убитой горем жены, имя пропавшего останется набором букв на надгробной плите. И будет оно вспоминаться лишь во время ночных посиделок у костра.

Пыльной дорогой

Под бархатистым светом осеннего солнца теснились безликие многоэтажки, отбрасывая тени на проезжую трассу, по одну сторону которой длинной полосой возвышались березы. Деревья ловили потоки ветра от мчащихся автомобилей, задыхались от гари выхлопных газов, примеряли очередную пыльную фату.

Неподалеку, под знаком автобусной остановки, в компании двух незнакомых людей стоял молодой человек, внешне похожий на байкера или на музыканта местечковой рок-группы. На вид не больше тридцати, лицо в грубой темной щетине, руки спрятаны в карманы кожаной косухи, а за плечом массивный рюкзак. Ростом он был чуть выше женщины, что позади него, но ниже стоящего рядом мужчины профессорского вида в костюме и с портфелем.

В три пары глаз они проводили отъезжающий от обочины автобус – должно быть, списанный Москвой лет десять назад, судя по механическому треску и черным клубам, вырывающимся из-под него.

Молодой человек достал из заднего кармана джинсов пачку сигарет, терпеливо посмотрел на нее и убрал обратно. «Черт меня дернул сюда приехать!» – подумал он, перебегая дорогу перед мчащимися автомобилями. Профессор и женщина скрылись за дверью ближайшего магазина, у крыльца которого на корточках сидели двое бойцов этиловых войск. Оба выглядели устало, как после ночной смены, едва не засыпали. Между их тщедушными телами стояла измятая полуторалитровая бутылка, где пива оставалось на два пальца от земли. Мужчина в косухе поправил рюкзак и прошел мимо караульных, но вдруг услышал за своей спиной грубый клич: «Есть курить?» Он обернулся, в растерянности помотал головой. Тот, что спрашивал, дурманно хмыкнул и вернулся к позе горгульи, охраняющей продуктовый.

Оказавшись во дворе длинной многоэтажки, которую местные жители называли Китайской Стеной, он достал телефон, чтобы посмотреть время. Без пятнадцати три. На экране высветились два пропущенных звонка от заказчиков и четыре от мамы. С погрубевшим лицом он спрятал телефон во внутренний карман куртки. Пройдя по тропинке через безлюдный двор, вышел к перекрестку центральной, как показалось, улицы. В глаза бросилась провинциальная беззаботность, присущая любому небольшому городу. Те же разбитые дороги с коваными заборами вдоль вытопанных газонов; выкрашенные в розовый цвет торцы многоэтажек соседствовали с серыми кирпичными малосемейками; продуктовые магазинчики, выросшие из постсоветских палаток, в которых раньше продавали жвачки, дешевый портвейн и сигареты поштучно. От прогоняющих взглядов прохожих не скрыться. Каждый брал на себя роль судьи и бегло изучал незнакомца.

«Может, сделать хмурое лицо, чтобы стать похожим на них?» – подумал он и скинул с плеча рюкзак. Достав из него бутылку с водой, промочил глотку и пошел дальше. В спину сигналили автомобили. Он метался из стороны в сторону. Пешеходных дорожек нет, машины, едва не протирая пыльные бока, объезжали людей.

Впереди – местный рынок, собравший возле своих лотков, казалось, всех жителей города. Они, пихая друг друга, пытались протиснуться к коробкам с овощами и кричали: «Почем помидоры?», «Мне пару свеколин!», «Взвесьте килограмм яблок!». Вдоль лотков с одеждой с меланхоличными гримасами бродили люди, а торгаши кавказской внешности зазывали: «Дыня – сладкий, свежий, лучший!». Магазины с выцветшими рекламными вывесками и проржавевшими у порога дверями радовали прохожих острым колбасным запахом вперемешку с вонью стирального порошка. Покупателей голодными глазами встречали исхудалые собаки, что носились друг за дружкой, огрызаясь, взвизгивая и лая на тех, кто им не приглянулся.

Мгновения хватило, чтобы насладиться всеми красками чудного, пропитанного духом ностальгии рынка. Должно быть, мужчина, сидящий на лавочке возле подъезда девятиэтажки,

упивался этим каждый день. Он с умным видом читал газету и постоянно потирал руку о штанину – или гладил ногу, выставленную вперед. Скорее всего, второе, ведь именно возле нее лежала трость.

– Извините, не подскажете, как пройти в Чертово городище? – спросил молодой человек.

Мужчина у подъезда, судя по выражению его лица, не каждый день слышал такой вопрос. Отложив газету, он поправил очки и задрал нос.

– Рановато сошел, – хриплым голосом ответил он.

– С чего вы взяли, что я приезжий?

– Шош, я не отличу приезжего от нашенского? Я знаю всех в этом городе... Если не лично, так в лицо.

– Извините, что отвлек, – молодой человек собрался уходить.

– Тебе в другой конец города нужно, – остановил мужчину. – На вокзал.

– Ясно. Вы хотите, чтобы я уехал!

– Да нет же ж, – усмехнулся он. – Вот дуралей! От вокзала идет дорога на Пионерку, а там, на повороте, увидишь указатель.

– На какую еще Пионерку?

– Швейная фабрика была раньше. Сейчас там дачи. В общем, разберешься, – ответил мужчина и взялся за газету.

Молодой человек отступил на шаг, достал из кармана кожанки пачку визиток, собранных под резинкой, вынул одну и протянул мужчине. Тот с непониманием на морщинистом лице взял визитку, а затем с таким же непониманием посмотрел на незнакомца.

– Возьмите. Пригодится... не вам, так отдадите кому-нибудь.

Горожанин поправил очки на носу, вытянул руку и внимательно всмотрелся в красного цвета визитку.

– Мирон... Ушаков... – медленно читал он. – Коллекционер... город Архангельск, – с недоверием посмотрел на Мирона. – Что ж ты забыл в Сосенском, Мирон Ушаков, коллекционер из Архангельска?

– На Чертово городище приехал посмотреть. Разве не понятно?

– Из такой дали в эту глушь? Хех... Чудаками земля полнится!

– У меня там дело...

– Брось ты, Мирон, глупостями заниматься! – стал отговаривать горожанин. – Дела у него там. Нечего делать в этом Чертовом городище!

– Почему же?

– Люди там пропадают! Ай... – Махнул рукой и добавил: – Дело твое, но запомни мои слова.

– Хорошо. Вы звоните, если захотите... может, вещи старинные будут или еще что.

– Хех, – удивился. – Вещи, грит! – Вдруг зашипел и начал гладить ногу. – Делать мне нечего, звонить всяким коллекционерам из Архангельска! У меня, вон, Витька, сосед по гаражу, знашь, какой коллекционер? Вся грудь в орденах! Шо хошь за пузырь выменяет! А он мне: звони, вещи, грит, мне свои отдашь. Ни черта я тебе отдавать не собираюсь! Мне б кто шо отдал. Ай, и даром не нужно. Вот люди пошли. Дело, грит, у меня там. На чертей хочу посмотреть. Походи по городу – таких чертей насмотришься, шо мама не горюй!

Мирон понял, что задел странного мужчину за живое – у того и рот забыл, как закрываться. Даже через сто метров был слышен его недовольный бубнеж.

Пройдя еще несколько панельных высоток, Мирон оказался в старом городе. Местные жители называли его поселком. Дома здесь деревянные, одноэтажные, как в частном районе курортного городка. Эта позабытая роскошь пробирала до мурашек: резные заборы и ставни на окнах, наличники, крик петухов и лай собак, печной дым, тянувшийся к небу, хотя на дворе еще только начало осени. Разноцветные дома тянулись по обе стороны от дороги. Мирон не мог

оторвать глаз от этой красоты и думал, почему в России так небрежно относятся к ценностям культуры, к традициям предков. Сегодня от всего этого остались лишь неверные отголоски, о которых через пару десятилетий никто и не вспомнит. История переписывается каждый год, а потому правды уже не узнать и при всем желании окунуться в прошлое не получится.

Вокзалом в Сосенском называлась широкая остановка под толстым слоем синей краски. Рядом стояла будка, через пыльное окно которой виднелась голова диспетчера. Никакой вывески со словом «вокзал» Мирон не обнаружил, но по стоящему там пригородному автобусу понял, что пришел верно. Он сразу увидел ту дорогу на Пионерку, о которой говорил мужчина. Трасса пролегла вдоль автомастерских и уходила вглубь леса.

Подойдя к билетной кассе, Мирон постучал в окошко и спросил:

– Скажите, когда следующий автобус до Пионерки?

– В четыре утра! – грубо ответила женщина, сидящая за компьютером.

– А туда что-то еще ходит?

– Нет! – гаркнула она и с хлопком закрыла окошко.

Мирон отошел от будки. Женщина показала ему, как здесь относятся к приезжим. Пусть ее устами не говорили все жители города, но билетерша на любой кассе вокзала в абсолютно каждом городе – это показатель гостеприимства.

Внезапно одиночество Мирона разбил высокий мужик, щелкающий семечки. Деловито подшагнув, он устремил взор вдаль и спросил:

– Тебе куда?

Его голос не внушал доверия, будто он пытался продать что-то незаконное.

– В Чертово городище, – ответил Мирон, искоса взглянув на него.

– Не-а, – сказал тот, продолжая противно щелкать семечками.

– Что «не-а»?

– Не поеду! – И мужик отошел.

– Я и не просил, – ответил Мирон.

Спустя несколько секунд таксист нашел очередную жертву своей ловли клиентов. Молодая девушка, обезоруженная его навязчивостью, кивнула, поставила свою спортивную сумку в багажник иномарки и села спереди. Через минуту машина с визгом тронулась и скрылась за поворотом.

Мирону ничего не оставалось, как пойти в Чертово городище пешком. Он не знал, сколько времени заберет дорога, но, судя по расстоянию на карте в мобильнике, идти нужно было порядка пяти километров. Он перебежал дорогу и последовал по пыльной обочине трассы в гору. Не успел прошагать и двухсот метров, как его обогнал старик. Тот шел бодро, никого не замечал, бормотал что-то себе под нос, изредка приглаживал седую бороду и подтягивал к горбу раздутый тук.

– Извините, – окликнул Мирон.

Старик развернулся и, не сбавляя ходу, спросил:

– Чего тебе?

– До Чертова городища далеко?

– Очень! – сердито ответил тот.

– Странно, а телефон показывает, что нет.

– Вот и иди по своему телефону! Я-то тебе зачем?

– Подождите, – нагонял его Мирон.

– Ходят, ерундой занимаются! – ворчал старик. – Приключения на жопу ищут, а потом на жизнь жалуются!

– Почему вы так боитесь этого места? – спросил Мирон.

– Боимси? Хах, – усмехнулся старик. – Мы-то не боимси, а остерегаемси. Делать там нечего, только время зазря тратить! Да что там...

– Мне действительно нужно туда попасть, – просящим голосом уговаривал Мирон. Старик остановился, испустил измученный выдох и пошел дальше.

– И какой черт вас тянет туда?! – негодовал седой.

– Посмотреть.

– Все идут посмотреть, – говорил старик, широким шагом двигаясь вперед и не сводя глаз с макушки асфальтированного холма. – А потом бледнющие возвращаетесь оттуда!

Мирон догнал деда, пристроился сбоку и молчаливо следовал каждому его шагу. Шли они только вперед, хотя было много троп, уводящих с обочины в лесную гущу. Они поднялись на гору. Мимо проносились машины, оставляя за собой неприятный выхлопной запах. Некоторые сворачивали налево, куда указывала табличка «Гранный холм». Мирон усмехнулся.

– Почему Гранный? – спросил он.

– Ты про деревню?

– Ну, наверное.

– С того же Чертова городища пошла легенда... Еще в далекие времена здесь ни черта не было: глухой лес кругом да сторожки редкие встречались. Дорога пролегла из Козельска до Лихвина, ныне Чекалина. Холм называли Гранным, потому что там раньше было много огромных ограненных камней, будто крепость какая. Позже валуны растащили, а название осталось.

– Что там теперь?

– Дачи. Что человек может сделать на свободном участке? Только засрать его своими постройками! Сосенская земля вообще богата кощунством. Слышал об авиакатастрофе в восемьдесят восьмом году?

– Натыкался на статью, но не читал. А что случилось?

– Грузовой самолет рухнул. Пилоты увели его от города, иначе жертв было бы больше. Там, в сторону Гранного холма, есть памятник возле городской помойки. По мнению верховных, это нормально, когда помянуть спасителей города идешь на помойку! И никто за этим не следит, а если и делают вид, так отвечают: «Мы обо всем помним!» Ага, помнят они! Только долги по квартплате они помнят, а на спасителей и героев плевать хотели. На День шахтера устраивают цирк с ряжеными клоунами и пьяным сбродом и считают это нормальным. Своими хлопушками спать не дают! Двадцать первый век на дворе, а я каждый день хожу по семь километров на дачу, чтобы лишнюю копейку на морковку и капусту не тратить. Я уж молчу про картошку. Ай, тебе не понять. Зеленый! Небось, и дачи-то нет?!

– Пока отец был жив, то и дача была, а как помер, то...

– Понятно, – прервал старик.

Навстречу шел мужчина: на вид лет пятидесяти, сальные всклокоченные волосы, борода по грудь, одет как бездомный: грязный свитер с длинными рукавами и дырой во все пузо, если бы оно было, джинсы потертые в коленках, а ноги и вовсе босые. Он смотрел на Мирона так, будто знал его много лет. Мирон попытался спрятаться от сверлящего жадного взгляда. В это мгновение в кармане завибрировал телефон. Звонок от матери. Выключив телефон и не дав ответа, он обернулся и поймал на себе чуткое внимание уходящего вдаль бездомного, от чего по спине взметнулась дрожь.

– Что за болото? – спросил Мирон, указав направо.

Старик нахмурился, подтянул тюк и пробурчал:

– Сам ты болото!

– А что это?

– Озеро... чертово! – сказал он тоном, словно боялся его каждой клеткой своего организма.

– Вы даже не взглянули на него, – произнес Мирон. – В нем утонул кто-то из ваших близких?

– Здесь много кто утонул. Городок-то из шахты вырос. Там дальше первая шахта находилась.

– Сейчас не работает? – с интересом спросил Мирон.

– А сам как думаешь? – нахмурился старик. – Сорок лет уж прошло, как ее закрыли. С самого начала идея постройки города в этих местах была спорной. Уголь? Да, был здесь уголь и пользовался спросом, в Тулу отправляли. А как только поняли, что уголь наш плох, так прикрыли лавочку и всех распустили. Точнее, прикрыли-то раньше, а вот шахты продолжали работать. В восемьдесят первом случилось обрушение, два человека погибли. На шахте обрушение – привычное дело. Мы для тех, кто наверху, просто кроты, роющие ямы.

– Вы здесь работали?

– Да, в пятьдесят восьмом прислали из Донбасса, – с грустью в глазах рассказывал старик. – Так и остался жить, хотя было немало возможностей уехать. Черт его знает, зачем остался. Может, беременная жена остановила. Не знаю, – задумался он. – Что теперь ворошить прошлое? Остался и остался. Город живет, хотя здесь больше подойдет слово «существует». Завод, на котором поработал почти каждый житель Сосенского, – и тот погибает. Что говорить о перспективах?

– Ну, здесь не так плохо в сравнении с другими провинциями. Поверьте, я много где побывал.

– А что это меняет? Жить я от этого лучше не стал. Двадцать второй год на дворе, а с экрана телевизора льют те же помои, что и пятьдесят лет назад. Все говорят: «Эволюция, эволюция»... тьфу... плевал я на эту эволюцию, вы мне бесплатные похороны устройте и лекарства дайте, а не хвалитесь своим уровнем жизни. Разве я не прав?

– Все верно, – ответил Мирон и похлопал старика по плечу, как закадычного друга.

Дед расцвел в улыбке, остановился и ткнул Мирона в грудь пальцем. Дышал тяжело, прерывисто, но стоял твердо.

– И все же зря ты идешь в Чертово городище! Вернись на вокзал и езжай отсюда!

– У меня дело, – Мирон настаивал на своем.

– Дело у него. У всех дела. А ты... да и х... с тобой! За поворотом иди вглубь леса, а там тебе сам черт укажет, как добраться до места. Здесь я больше не проводник.

Мирон поблагодарил старика и пошел по указанному пути. Спустя несколько секунд обернулся, но дед будто испарился, хоть дорога к дачам тянулась вдаль. Встряхнув головой и горько сглотнув, Мирон достал из кармана джинсов пачку сигарет и хищно посмотрел на нее, но открывать не решился. Рука тряслась, а верхняя губа нервно подергивалась. Он воспитывал в себе упорство. Сплюнув, Мирон спрятал пачку, подтянул рюкзак и неторопливо проследовал в глубь чащи.

Стук топора

Две колеи от автомобильных колес пролегали вдоль просеки. Грунтовая лента дороги виляла: то дыбилась хмурой горкой, то резко уходила вниз. Полные дождевой воды ямы выглядели как зеркала. В них отражалось глубокое небо и быстро плывущие облака. От ночного ливня в городе не осталось и следа, зато лес благоухал ароматом земли и сосновой свежести. Местами путь был едва проходим из-за подтопленной дороги, ухабы, один за другим, встречали путника, и так продолжалось на протяжении нескольких сотен метров.

От грустного завывания ветра Мирон оборачивался. Шорох доносился со всех сторон. Иной раз над головой звучали до боли пугающие скрипы склонившихся берез. Мирон застывал, не шевелился, чтобы убедиться, не идет ли кто за ним.

Дорога менялась: из хвойной рощи тропа выходила на песчаную делянку, а за ней снова пряталась в тени деревьев. Мягкая почва не давала ногам покоя, а топи со смолянистого цвета водой вдоль обочин и вовсе заставляли смотреть в оба. Провалиться в этих местах можно было в два счета.

Птичья разноголосица с каждым метром слышалась громче. Глухая переключка всезнающих кукушек сменялась снотворным свистом соловья, а за ним удавалось расслышать трель рябчика. Лес не утихал ни на минуту.

Мирону казалось, что старик своим костлявым пальцем нарочно направил его по неверному пути. Слишком мало по дороге указателей, а заблудиться, зевнув лишний раз на неприметном повороте, проще простого. Так и думалось Мирону, пока он не встретил резное дерево с надписью «Чертово городище». Тут все сомнения рассыпались, и лицо Мирона налилось кровью. Поднявшись по деревянным ступеням, он очутился в зарослях, а позже уперся в холм, усыпанный множеством валунов огромных размеров. «Прибыл!» – промелькнула мысль в его голове. Он потратил почти сутки, чтобы добраться сюда.

Мирон скинул рюкзак и принялся изучать камни. Необъятные, истерзанные временем, они беспорядочно валялись по земле. Их будто черт оставил в злобе! Поросшие жизнью, как пышным слоем нефритовой пыли. От них веяло прохладой и сырью кладези тайн. Поражали ум затейливые формы, ступени и обнаженные грани. Капли воды катились по ним в неглубокие, будто вдавленные пальцами отверстия. Ни одно природное явление не способно было сотворить столь выразительные лунки шириной с наперсток. Одни громады пестрили мрачными норками, другие изумляли углублениями, точно сделанными под чаши и сосуды. Дождевая вода обтекала их стороной, оставляя широкие раковины пустыми и до удивления сухими. Наполнен был «чертов колодец» – выемка, обруганная так людьми за свою форму в виде копытца. В ней, вне зависимости от погоды, всегда сохранялась вода, и это порождало массу вопросов. Истрескавшиеся, местами расколотые под собственной тяжестью, валуны стали домом для редкого папоротника, чьи раскидистые, словно оперенные, листья свисали от них к земле, покачивались на струйках текущего из каменных щелей воздуха. Урочище жило, дышало, и в непробиваемой тиши это было заметно. Оно спало, как черепаха в панцире.

Мирон кинулся фотографировать все, что попадало под объектив его камеры. Щелчок за щелчком раздавался в хмурой тишине. Как ни странно, это место птицы будто облетали стороной.

Мирон уселся на один из валунов и начал просматривать фотографии. Внезапно женский голос погасил огонек в его глазах и украл всю увлеченность:

– В нашем полку прибыло?

Он не обернулся. Его лицо погрубело, брови сошлись к переносице, а скулы напряглись. Мирон знал этот голос и ожидал его услышать. Неторопливо положил фотоаппарат на камень. Среди ветвей стояла женская фигура.

– Я думал, что опередил тебя, – произнес Мирон и поднялся.

– И не надейся, – сказала девушка и легкой походкой вышла из липовых зарослей. – С утра уже здесь! – самовлюбленно добавила она.

Она разгладила на груди вязаный свитер и спрятала тоненькие ручки в задних карманах голубых джинсов. Улыбчиво посмотрела на Мирона, стоявшего в нескольких шагах сбоку от нее, и спросила:

– Даже не обнимешь?

– За пять лет наобнимался, – устало выдавил тот.

– До сих пор обижаешься, – отвернулась она. – Сколько можно?! – трепетал ее голос.

– Лесь, мы здесь не затем собрались, чтобы снова выяснять отношения. Прекрати строить из себя жертву.

– Хорошо! – отчеканила она. – Маме своей скажи спасибо! Из-за нее все случилось!

– Обязательно! – с издевкой сказал Мирон. – Как вернусь, так и передам ей твой пламенный привет!

– Знал бы ты, как я билась в истерике...

– А я не бился, по-твоему?!

Из глуби леса с шумом и треском вышли двое мужчин и одна девушка. В них сходу можно было признать туристов. Полноватый мужчина в неприметной черной ветровке боязливо посмотрел на Мирона, стоявшего поодаль от Леси. Хворост, лежавший в его руках, через секунду рассыпался у ног. Пухлячок поправил на голове кепку, из-под которой торчали русые кудри, перешагнул ветки и спросил:

– Лесь, все в порядке?

– Познакомьтесь, – отвлеченно сказала Лесь. – Это Мирон, – она указала на него, а после перекинула взгляд на пришедших: – Это Толик, за ним Кирилл и Юля.

Кирилл выглядел самым старшим. Острые черты лица, волчий взгляд и аккуратно выбритая борода намекали на то, что он владелец небольшого предприятия или сын его директора, однако по высокому росту и олимпийке, подчеркивающей гибкое телосложение, можно было предположить, что он спортсмен.

Юля смущенно прижимала к груди несколько сухих веточек и не торопилась выпускать их. Она махнула головой, спрятав за плечом светловолосый хвостик, и задергала носом, словно пыталась поправить сползшие очки. Полноватый Толик подшагнул к ней, заботливо подтолкнул их пальцем к переносице, а затем поцеловал Юлю в щеку. Она странно захихикала и вывалила на землю свои немногочисленные ветки в кучу к остальному хворосту.

После пары крепких рукопожатий и одной неловкой улыбки между Юлей и Мироном компания принялась разводить костер. Близился вечер, солнце стремительно скрывалось за деревьями, окрашивая своим уходом небо в огненный цвет.

– Значит, тоже черный копатель? – заговорил Кирилл, изучая Мирона, ковыряющегося в своем рюкзаке. Мирон достал пакет, расправил и вынул бутерброд. Обдув еду, он откусил и посмотрел на Кирилла.

– Коллекционер, – ответил с набитым ртом. – Так благороднее звучит.

– Лесь говорила, вы раньше работали вместе.

– Что еще она рассказывала про меня?

– Ничего особенного. Дальше этого разговор не заходил.

– Ты тоже из наших? – с прищуром спросил Мирон.

– Коллекционер? – усмехнулся тот. – Нет, какой из меня коллекционер. Я краевед, увлекаюсь фольклором...

– Ушаков, хватит приставать! – грубо оборвала Лесь и присела рядом с Кириллом. Она нежно прижалась к нему и добавила: – Ты вечно такой приставучий, все тебе знать надо.

Мирон нахмурился и отвернулся, чтобы не наблюдать ее кислую физиономию.

– Когда начнем поиски? – внезапно спросил Толик.

– Да! – подхватила Юля. – Мы так и не решили.

Мирон вскочил, подошел к Лесе, но глаз на нее не опустил, смотрел в темноту леса.

– Можно тебя на минутку? – сухо спросил он.

Леся нервно улыбнулась, поднялась и пошла за Мироном, скрывшимся за могучей сосной.

– Зачем звал? – сложив на груди руки, спросила она.

– Объясни, что это за черти?!

– Это так важно?

– Да!

– Хорошо, – Леся недовольно закатила глаза, – Толик бывал здесь раньше и знает эти места.

– Что с того? Мало ли кто здесь бывал?!

Леся раздраженно сняла с шеи цепочку, на которой висел перстень, и показала ее Мирону. Тот непонимающе посмотрел на нее.

– Что это? – спросил он.

– Толик нашел его здесь. Помнишь, я тебе писала про то, что драгоценности в Чертовом городище покрываются льдом?

– Я не читал твои сообщения, – безвкусным голосом ответил Мирон.

– Ага, ну конечно! Только за дуру меня не держи. Все ты читал! – негодовала она.

– И что там с твоим ледяным золотом?

– Думаю, если мы будем на верном пути, я почувствую это!

– А с чего это Толик тебе перстни всякие дарит? – с прищуром спросил Мирон.

– Успокойся, они с Юлей помолвлены!

– Я не заметил на его пальце кольца, – с подозрением произнес Мирон.

– Толик сказал, оно жмет, поэтому и не носит!

– Хорошо, а каким тогда боком с нами этот нарцисс Кирилл?

– Ну... – замялась Леся. – Они с Толиком, типа, лучшие друзья.

Мирон схватился за голову и прижался к смолянистому стволу сосны. Он натужно выдохнул и сказал:

– В общем, с ними я делиться не намерен!

– Брось! – взвыла Леся. – Толик нам работу облегчил. До чего же ты жадный!

– Тебе надо, ты и делись. Я ни одному из этих ни рубля не отдам.

– Хорошо, – всплеснула Леся руками. – Великолепно! Наступит утро, и проваливай к чертовой матери! Я сама буду искать. Благо не одна. А ты... – Она захлопала. – Какая же ты мразь! – отвернулась, спрятав лицо за ладонью.

– Сколько они просят? – размяк Мирон.

– Какая разница?!

– Скажи, сколько?

– Тебе тридцать, остальное нам!

– Ну уж нет! – возмутился Мирон.

– Как хочешь! – выпалила Леся и собралась уходить, но Мирон схватил ее за руку.

– Тридцать пять... – сказал он.

– Тридцать, и точка!

Мирон отпустил ее руку, не желая идти у нее на поводу. Одолеvalo желание бросить затею и уехать из этого места. Мирон достал из кармана куртки телефон и, взглянув на яркий экран, еще больше разочаровался в жизни.

«Связи нет, – подумал он. – Чертово... городище! Даже такси не вызвать!»

Ночь укрыла лес. Ледяные нити луны просачивались меж ветвей, но их отвергало жаркое свечение костра, вокруг которого расположилась компания во главе с Лесей. Мирон присоединился к ним, но уселся немного отстраненно, будто был не ее частью, а скорее наблюдателем.

– Утром начнем, – прозвучал голос Леси. – Я распечатала карту возможного местонахождения клада. Пойдем в ту сторону, – указала пальцем на лес и посмотрела на Толика. – Там ты нашел перстень?

– Да, но я не уверен, что это...

– Плевать! – обругала Леся. – Пустыми мы отсюда не уйдем!

Раздался щелчок, и пенистое шипение наполнило воздух. Кирилл открыл банку с пивом. Он проплыл взглядом по всем и остановился на Мироне, чье лицо в мерцающем свете костра выглядывало из темноты.

– Пива? – спросил Кирилл. Тот помотал головой, изобразив недовольство.

– Так что за клад мы ищем? – спросила Юля, прижимаясь к Толику.

– В стародавние времена неподалеку отсюда пролежала дорога Козельск – Лихвин, – рассказывала Леся. – По ней ездили купцы. Возможно, это и породило массу легенд, одна из которых связана с этим местом. – Все заинтересованно смотрели на Лесю. – Здесь жил разбойник Кудеяр. Он многим известен как младший брат Ивана Грозного, но я считаю, что это уже выдумки, хоть Кудеяр и жил в ту эпоху. Он со своей шайкой грабил купцов и караваны, что ездили мимо этого места. В его подчинении была дюжина разбойников, среди них Болдарь и Аннушка, самые преданные товарищи. Смотровая вышка находилась у них здесь. А вот где прятали награбленное, нам и предстоит выяснить.

– А почему Чертово, а не Кудеярово городище? – спросила Юля.

– Сейчас расскажу, – подхватила Леся. – Другая легенда более распространена среди жителей Сосенского. У Кудеяра была дочь Любаша, – задумчиво продолжила Леся. – Красавица до одурения. Заморские цари хотели видеть ее своей женой, но Кудеяр всем отказывал, запрещал им и на метр к ней приближаться. Грозился отрубить голову каждому, кто Любаше пальцем коснется. Цари предлагали несметные богатства, а он отвечал, что у него столько золота, что лошадей кормить можно. Однажды сам черт явился к нему и приказал отдать ему Любашу, не то он наложит на него проклятье вечных мучений. Кудеяр долго думал, не хотел отдавать черту самое дорогое, что у него есть. Черт наведывался снова и снова, пока не добился согласия от разбойника. Но согласие было непростое, Кудеяр выставил условие: черт должен построить огромный замок со стенами, каких ни в одном королевстве не сыщешь, с высокими колоннами, длинными коридорами и глубокими сокровищницами, но стройку нужно завершить до первого крика петуха. А если черт не успеет, то оставит Любашу в покое. Тот собрал все бесье братство, и начали они возводить стены будущего замка. Летали над лесом, приносили огромные глыбы со всех краев света. Любаша в смятении наблюдала за происходящим. Ее душу разрывала печаль, она не желала становиться женой страшного существа.

И вот замок почти готов, а рассвет еще далек. Любаша в слезах убежала в свою хижину. Она упала на колени перед иконой Богородицы, что стояла в углу, освещенном одинокой свечой. Рыдала Любаша до той поры, пока в голову ей не пришла мысль. Она посмотрела на икону, схватила свечку и помчалась в курятник. Подойдя к петухам, спавшим на насесте, она убрала ладонь от свечи, и свет озарил небольшое мрачное помещение. Из-за этого петухи проснулись, и один из них звонко прокукарекал. Черти закружились в вихре, закричали, зашипели и пороняли камни на землю, разрушив тем самым замок. Тот бес, что хотел Любашу охмурить, разъярился, не потерпев обмана людского и наложил на всех жителей леса проклятье вечных мучений. Так образовались руины, которые теперь называются Чертовым городищем, а страшные голоса в нем и плач Любашы местные жители до сих пор слышат.

– Больше похоже на сказку, – сказал Толик, прижимая к себе Юлю.

– И нам это на руку, – раздался голос Мирона. Леся посмотрела на него с огоньком в глазах. По его реплике она поняла, что МIRON согласился с ее условиями.

– Эти сказки отпугивают людей, – продолжил он. – Потому и место не так посещаемо.

– Оно любимо сатанистами, – вставила Леся.

– Российский Стоунхендж, – заявил МIRON. – Еще во времена балтов это место являлось чем-то вроде святилища. Примерно с первого по седьмой века они жили здесь. После балтов эту землю занимали вятичи. Я думаю, здесь проходили ритуалы.

– Что за ритуалы? – спросила Юлия.

– Понятия не имею, – ответил МIRON. – Всего знать невозможно. Точно лишь то, что они здесь совершались. Найденные орудия и предметы быта тому доказательство. Монахи считают это место проклятым. Сколько крестов ни вкапывали, ни один не устоял, проваливались под землю, как утверждают сами священники.

– Кстати, да, – оживился Кирилл. – Вот вам еще одна история.

– О сатанистах? – с ропотом в голосе спросила Юлия.

– Почти, – произнес Кирилл. – Но она реальна.

Все затаили дыхание, готовясь слушать Кирилла – убедительный и проникновенный голос был его изюминкой благодаря твердому произношению и нотке хрипотцы. Кирилл закурил сигарету. Мятный аромат на миг затмил запах костра.

– Это случилось недалеко отсюда, в монастыре Оптиной пустынь, в пасхальную ночь 18 апреля 1993 года. После торжественного богослужения двое иноков, Трофим и Ферапонт, отправились в звонницу, чтобы начать колокольную песнь. Едва языки обоих колоколов дернулись и прозвучал божественный звон, к монахам поднялся странный мужчина. При медном свете зари он ударом кинжала убил сначала одного инока, а после хладнокровно расправился со вторым. В угасающем звоне никто и не услышал криков мучеников. Убийца на этом не остановился. Он догнал еще одного священника, иеромонаха Василия, и напал на него со спины. Несколько глубоких ран не дали тому шансов на жизнь. Убийца бросил длинный самодельный кинжал с вырезанным на деревянной рукояти числом зверя и сбежал в лес...

В это мгновение раздалась щелчка пальцами, накалявшие обстановку вокруг костра.

– Тебе страшно? – спросила Юлия, смотря Толику в глаза.

– С чего бы? – его голос трепетал.

– Ты всегда щелкаешь пальцами, когда тебе страшно.

– Неправда, – отнекивался Толик.

– Убийцу поймали? – спросила Леся.

– Я слышал, что его долго искали, – подхватил МIRON. – Псих скрывался в лесах... Вроде бы в этой местности.

Снова щелчки, и на этот раз более громкие.

– Поймали, – обнадежил Кирилл. – Не сразу, но точно поймали.

– Ну, не знаю, все источники пишут по-разному, – заметил МIRON. – В одном говорится так, в другой статье писали, что он сбежал из психушки.

Над головами нависла неловкая пауза, изредка разбавляемая щелчками пальцев и треском костра. Леся посмотрела на всех и развеяла смуту:

– На сегодня историй хватит. Ложимся спать, а с утра за дело.

МIRON расправил спальный мешок и залез в него. Повернувшись спиной к костру, он попытался уснуть, но мешали голоса Толика и Юли, бесконечно желающие друг другу спокойных снов.

Вскоре, когда наступила полная тишина и даже сверчки перестали пиликать, МIRON все же смог успокоиться. Он почувствовал себя одиноким среди деревьев и таинственных камней, укрытых звездным небом. Молчание. Ни единого шороха. Даже сопения спящих неподалеку компаньонов не слышно. МIRON перевернулся на бок.

Громкий удар топора заставил его замереть. Ужас окутал тело влагой, обдал морозом, от которого все волоски на теле зашевелились, запрыгало сердце. Пронзительный грохот в ночи раздался вновь. Он доносился из леса, казался не близким, но и не далеким. Мирон приподнялся. Чувство незащищенности щекотало в груди.

– Вы слышите? – спросил он.

– Что? – недовольно отозвалась Леся.

– Кто-то деревья рубит.

– Я ничего не слышу, – ответила она и закопошилась. – Кирилл, ты слышишь?

– Нет, – произнес он. – Мирон, ложись спать. Тебе послышалось.

Мирон лег. Он широко открытыми глазами смотрел на шевелящиеся от легкого ветра деревья. Стук топора продолжал беспокоить его сознание.

Козье молоко и свечи

Леся разбирала свой рюкзак, когда к ней сзади подошел Кирилл. Он положил ей на плечи руки, склонился и потянулся к губам, но она отвернулась, подавляя в себе влечение. Кирилл был настойчив и на робкий отказ возбудился еще сильнее. Жалобно постанывая, массировал плечи Леси, пробуждая в ней вождление. Внезапно ее лицо растаяло в сочувствии, она поднялась и обвила его талию тонкими руками. Что-то изменилось внутри, растворило сухость, заставило примкнуть к его губам. Волна страсти накрыла обоих. Леся вдыхала сладковатый аромат его одеколона, касалась пальцами шеи, наслаждалась каждой секундой нахождения в крепких мужских объятьях.

За любовными утехами со стороны наблюдал Мирон. Он стал невольным зрителем горячего рассвета, ощутил на душе острый камень. Рука потянулась к заднему карману джинсов, в котором лежала смятая сигаретная пачка. Достав ее, Мирон некоторое время не отводил от нее измученного взгляда. В горле пересохло, и слюна не могла его промочить. Дыхание погрубело, сдерживать хрипы не было сил. Вырвался кашель. Леся, как обожженная, отскочила от Кирилла. Она завертела головой, а через миг упала на колени к своему рюкзаку и едва не нырнула в него по пояс.

– Как спалось? – бодрым голосом спросил Мирон. Проходя мимо Кирилла, он даже не повернул голову в его сторону.

– Отлично, – произнес Кирилл и соорудил удивленное лицо. – Комары только зажрали.

– Ах, комары, – усмехнулся Мирон. – В лесу и не такое может зажрать, – он посмотрел на Толика и Юлю, жмурившихся от утреннего света. – Доброго вам утречка! – язвительно проскрипел он.

– Доброго, – в один голос ответили те.

На плече Мирона висело полотенце, а из кармана куртки торчала зубная щетка. Он шел уверенной походкой, отводя в стороны сосновые ветви. Поднявшись на холм к валунам, отыскал камень с выемкой в виде копытца. Подойдя к нему, скинул полотенце и набрал в ладони воду из углубления. Нос защекотало от запаха жженого воска. Мирон умылся, вытер лицо и встал, чтобы осмотреться. Он пытался найти источник запаха. Чуть видные струйки дыма тянулись от соседнего камня. Обойдя его, Мирон обнаружил пять свечек, вставленных в отверстия в нем. «Чертовы пальцы» – так в народе прозвали примечательные лунки. Неглубокая пазуха рядом была наполнена белой жидкостью, похожей на молоко. На ее поверхности дрейфовали пять голубоватых восковых клякс.

– Очень смешно! – прокричал Мирон. Возмущенные слова эхом разлетелись над холмом.

Минуту спустя появился Кирилл и с умным видом начал осматривать камни. Он чесал подбородок и выпячивал губы всякий раз, когда находил что-то подозрительное для себя: неестественные углубления в валунах, крестовидные царапины на них и пентаграммы. Кирилл стоял поодаль от Мирона и будто бы не замечал его. Мирон не спускал с него недовольного взора и пытался привлечь внимание более громким сопением, которое вскоре переросло в нарочитый кашель. Кирилл обошел глыбу и застыл при виде тающих под лепестками огоньков свечей. Он задержал дыхание, простоял в таком положении несколько секунд, а затем спросил:

– Что это?

– Я хотел у тебя спросить! – проскрежетал Мирон. – По-твоему, это смешно?

– Это не я, – прозвучал возбужденный голос Кирилла.

Внезапный порыв ветра ударил в грудь обоих. Погасли и свечи, но не все: та, что стояла ближе к Мирону, горела.

Из леса вышла Леся. Она с невозмутимым лицом поднялась к мужчинам, но продолжала прятать глаза перед Миронем.

– Что тут у вас?

Кирилл кивнул на погасшие свечи. Леся равнодушно посмотрела на них, затем нагнулась к жидкости и понюхала ее.

– Козье молоко. Сатанисты дурачатся.

– По-твоему, это нормально?! – грубым тоном спросил Мирон.

– Ты что, испугался? – осмелела она. – Обычное пацанье, занимаются чепухой от нечего делать! Я видела серьезные ритуалы и знаю, что это такое. Козье молоко и свечи... Пф, – закатила глаза. – Даже перьев голубиных нет. Я уж молчу про птичьи и козьи головы.

– Что они хотели сделать? – спросил Кирилл.

– Напугать, – ответила Леся. – Разве не ясно?

– Странно это, – протянул Мирон.

– Хватит удивляться. В таких местах это норма. Давайте за дело!

Они вернулись к лагерю. Он находился чуть ниже холма, в небольшой рощице с сухой и твердой почвой, отличной от остальной болотистой местности.

Толик и Юля завтракали. Мирон прошел к своему рюкзаку и раскрыл его. Достав части металлоискателя, принялся собирать аппарат: расправил самодельную телескопическую алюминиевую штангу, к которой прикрепил поисковую катушку; затем он размотал провод блока и подключил его к старому индикатору с треснувшим в углу экраном. Простой в сборе и использовании самодельный металлоискатель давал фору дорогим аналогам и не раз помогал Мирону отыскивать редкие вещицы. Катушка из оргстекла с намотанной на ней медной проволокой высокого качества справлялась с нахождением предметов на глубине до пяти метров под землей.

– Вы останетесь здесь, – сказала Леся, смотря на Толика и Юлю.

– Это еще почему? – возразила Юля.

– Охраняйте вещи, – добавил Кирилл.

– Есть от кого? – спросил Толик.

– Возможно...

– Тут кто-то есть? – испугалась Юля.

– Пусть и он останется с ними! – произнес Мирон, указав на Кирилла.

Леся занервничала. Кончики ее пальцев похолодели. Она принялась растирать их о кофту.

– Нет! – выпалила она, отвернувшись от Мирона. – Он пойдет с нами!

– Как знаешь! – ответил Мирон, поднял с земли металлоискатель и скрылся за густыми ветвями.

На другом берегу

Троицу встречал мрачный лес, где свет казался позабытым, словно заря только близилась. С восхода солнца прошло уже два часа. Песнопения птиц, навеянные сырым воздухом, немели в бурчании топи. Почва под ногами чувствовалась влажной губкой, сжимая которую, видишь, как выделяется вода. Серая дымка пуховым одеялом укрывала землю, опоясывала бороздчатые стволы деревьев и плыла к болоту, застеленному ковром пожухлой листвы, среди которой, подобно фосфору, светились зеленые островки мха.

Мирон оценивал каждый свой шаг, внимательно смотрел под ноги, неторопливо водя перед собой металлоискателем. Через большие наушники передавался монотонный шум, а треск, периодически разбавляющий его, не позволял забыться.

За Мироном по вмятинам в земле следовали Кирилл и Леся. Чтобы не заблудиться, они оставляли ножами глубокие зарубы на деревьях, стараясь делать это бесшумно. Молчание сопровождало весь путь компании. Каждая попытка Кирилла заговорить вмиг пресекалась шипением со стороны Леси. Любой лишний звук мог помешать Мирону поймать сигнал или, наоборот, принять его за неверный.

Вскоре Мирон вышел на более светлый пролесок. Путь ему перерезала река, хотя таковой этот ручей назвать было сложно – в два шага пересечь. Вода в ней имела темно-ржавый цвет, а у обвалистых берегов собиралась пена.

– Река Чертовская, – сказала Леся, глядя на карту.

По ту сторону свет казался розовым, преломленным, сочился меж сосен.

Мирон не думая перешагнул через реку. Им овладело странное чувство: невероятный голод будто испытывал его на прочность несколько часов, а теперь решил удвоить ставки. Желудок скрутило, как мокрую тряпку. Удары сердца отдавались в горле. Мирон обернулся, но Леси и Кирилла не увидел.

– Крысы! – прошипел он.

Надев наушники, он выставил перед собой металлоискатель, положил палец на блок включения и щелкнул тумблером. Вмиг в уши врезался нечеловеческий визг. Это нельзя было назвать свистом или искаженным звуком и с рыком животного не сравнить, но он был страшно живой, одушевленный! Мирон в панике скинул наушники. Пугающая немота... Небо синее, облака застыли на месте или так созерцалось. Мирон закричал, услышал свой крик и больше ничего: ни эха, ни отзвука. Тело залихорадило, ноги подкосились, и он упал на колени. Попытался нащупать в кармане пачку сигарет, но только коснулся ее, как ладонь обожгло. И ожог был не огненным, а ледяным. Глаза заслезились от сухого воздуха.

Страх заставил Мирона подняться и пойти обратно. Он двигался, как прежде, но ощущалось, что стоял на месте. Глаза не поспевали за ногами. Мирон бродил по однообразным прогалинам и не мог найти дорогу назад. В стороне лежал металлоискатель, а рядом с ним наушники, из которых рвался дикий нечеловеческий визг. Осмотревшись, Мирон разглядел множество разбросанных по округе предметов: корзины, плеер, части одежды, зонты и даже вросший в почву велосипед.

«Что за чертовщина? – спрашивал себя Мирон. – Я точно помню, что здесь была река!»

Он шел назад, но оказывался на прежнем месте. Раз за разом проходил мимо металлоискателя и вновь слышал визг, доносившийся из наушников. Мирона трясло, знобило, на лбу и шее выступила испарина.

– Вы меня слышите? – крикнул он, но слова улетели в пустоту.

Решение пойти вперед назрело не сразу. Пришлось выбросить из головы попытку вернуться. Идея оказалась удачной, как думалось Мирону. Теперь он не наткался снова и снова на металлоискатель, и местность выглядела чуждой.

Потерянное лицо озарилось, когда перед ним предстала светлая поляна с одинокой бревенчатой хижинкой в центре. Она выглядела заброшенной. Раскосые ослабшие стены держали двухскатную громоздкую крышу, из-под которой торчали пучки сена. Два окна, как два черных глаза, смотрели на Мирона, выбредшего из кустов малины. Он подошел ближе и окликнул:

– Здесь кто-нибудь есть?

В ответ ни звука. Мирон прокрался к хижине и заглянул в пустое незастекленное окно. Никого. Он поднялся на крыльцо, вошел. Внутри дом пуст, на земле разложено сено, сквозь толстые щели прогнивших стен закрадывались ленточки тусклого света, но ни одна не дотягивалась до дальнего левого угла, во тьме которого мерцал одинокий свечной лепесток.

«Вдруг кто-то вернется, а я здесь! – с тревогой в душе подумал Мирон. – Должно быть, это хижина лесника. Стук его топора я слышал прошлой ночью».

Мирон приблизился к свече, что одиноко горела в углу дома. Огонек был непоколебим. В мерцающем свете блистала икона Богоматери. Капля пота скатилась по виску, сорвалась со щеки и упала на изображение. Мирон взял дощатую икону и вгляделся в лик Божьей Матери. Истертая в широких полях, местами выцветшая до черноты, она пугала и в то же время завораживала. Контуры на холсте были прорисованы четко, что виделось даже под истрескавшейся краской. Святой лик выглядел живо, смотрел в глаза и будто бы выискивал за душой всю грязь. Должно быть, иконописец, работавший над этим творением, был щедро вознагражден.

Позолотная пыль осталась на подушечках пальцев. Мирон удивленно растер ее.

«Восемнадцатый век, если не старше, – подумал он. – Я однажды видел что-то похожее. Та икона хорошо стояла!»

В это мгновение из леса донесся протяжный стон, напоминающий предсмертный. Деревья зашелестели листвой. Что-то или кто-то приближался к хижине. Мирон замельтешил зрачками. Голова как сито – ни единой мысли. Древесный треск становился громче, но и он казался шорохом в сравнении с бездушным мычанием, давящим на сознание.

Мирон схватил икону и ринулся из жуткой обители. Он мчался без оглядки, спотыкался, падал, вставал и снова бежал. И пусть не знал, куда ноги его приведут, – он был уверен, что эти места чертовски опасны.

Преодолев несколько сотен метров, он ощутил легкое жжение в груди. Перед глазами стояла пелена. Мирон оперся о дерево и обернулся. Река Чертовская – та самая, которую минутами ранее найти не удавалось! Впереди знакомая тропа и зарубы на деревьях. Он пошел по ним и через час уже был на месте, в Чертовом городище. Леся и Кирилл бросились к нему. Через белизну их взволнованных лиц пробивался румянец. Юля рыдала, сидя на камне, а Толик рядом с ней без усталости шелкал пальцами.

– Где ты пропадал?! – с гневом в голосе спросила Леся.

Мирон двух слов связать не мог, язык точно онемел. Ноги выли от усталости, а руки тряслись.

– Мы тебя всю ночь искали, дружище, – обеспокоенно сказал Кирилл и протянул бутылку водки. – Выпей, полегчает.

Над лесом поднималось солнце. Мирона, казалось, не было несколько минут, но в реальности – намного дольше.

Закрытое сообщество

Между двух пресных пятиэтажек стоял примечательный ступенчатый дом, построенный в конце восемнадцатого века, о чем говорила гравировка на медной табличке слева от входа. Бордовые стены в неказистом районе Подмосквья выделялись на фоне архитектурной импотенции, высокие белые колонны держали массивный козырек, шесть арочных окон на втором этаже отражали оранжевый свет вечерних фонарей, утопающих в февральских сугробах, стянутых к фасаду здания, казалось, со всей улицы. Четыре широкие ступени вели к двустворчатой деревянной двери с волнистыми бронзовыми ручками и вырезанными на филёнках изображениями всадников. На первом этаже были еще шесть окон по три с каждой стороны от входа. За ними теплилась жизнь, если судить по теням, бродящим за шторами из неплотной ткани.

В это время суток город спал, но жизнь в здании только оживала. Нет, люди приходили сюда и днем. Музей был открыт до семи часов вечера. Каждый последний вторник месяца после полуночи просторные залы беднели экспонатами. Администратор с помощниками прятали их в специальной комнате, за дверью с надежным, если верить китайским инженерам, кодовым замком.

Холл преобразался в место встречи влиятельных людей в деловых костюмах. Пока одна часть богемы чесала языками и давила принужденную улыбку, другая уместала свои сальные задницы в удобные мягкие стулья с подлокотниками, обшитыми кожей. На невысокой сцене, собранной из четырех рыночных поддонов, стояла трибуна, к которой вскоре выйдет женщина. Как только это произойдет, входную дверь закроют на ключ и представление начнется.

Машина с желтыми шашечками на крыше остановилась неподалеку от музея. Дверца с пассажирской стороны открылась, и явился Мирон Ушаков. Он дождался, когда такси уедет, поднял высокий ворот драпового пальто и направился к музею. Время на мобильнике – полпервого, а это значило, что до начала аукциона еще тридцать минут. Постучав в дверь, Мирон потомил себя ожиданием, прежде чем по ту сторону пробасил голос:

– Закрыто!

– Серебряный подсвечник девятнадцатого века, – сказал Мирон, и дверь через секунду открылась. Он скользнул в неширокий проем между створок, и те захлопнулись с характерной замочной трелью.

Мирон снял пальто, повесил его на вешалку и с ходу хватил бокал шампанского с подноса, что проносил мимо молодой человек в форме официанта из дорогого ресторана. Сделав глоток игристого, Мирон довольно причмокнул и пошел в главный зал, где вот-вот начнется аукцион. По пути он кивал, встречая то знакомые лица, то новых гостей, либо тех, кого не знал.

– О, Мирон Геннадич! – в белозубой улыбке произнес мужчина, уважительно раскинув руки.

– О, Борис Борисыч! – в ответ засиял Мирон и обнял товарища, который по виду был не старше его.

– Рад, что ты пришел, – сказал Борис. – Надолго в Москве?

– Завтра улетаю, – произнес Мирон и заинтересованно посмотрел на высокий потолок, разрисованный фресками под картины Микеланджело. – Почти как в Сикстинской капелле. Три месяца назад этого здесь не было. Ремонт сделали?

– Смеешься? Тоже мне ремонт. Пригласили дарование из Питера, он и разукрасил потолок. Музей сносить пора!

– Ты хоть знаешь, что это за здание? – со злобой в голосе, но добротой в глазах спросил Мирон. – Снести, говорит. Здесь полстраны снести нужно, а старину оставить. Эх, Борис Борисыч, ничего святого в тебе не осталось. Ну, а ты как? Чем живешь?

– Да все тем же, как видишь. Пока есть такие, как ты, будут и покупатели. Музей, можно сказать, на этом и держится. Мы государству не нужны. Спасибо тебе, Мирон!

– Мне-то за что? – удивленно спросил Мирон. – Это тебе спасибо! Я мелкий человек в вашей хитроумной системе. – Борис улыбнулся и было раскрыл рот, чтобы вставить слово, но Мирон опередил его: – Кстати, не думали обновить коллекцию? Смотрю, на вашем сайте все то же из месяца в месяц.

– Ну, – задумался Борис. – Что не продаем, то оставляем. Но, сам понимаешь, не на каждый клад найдется свой документ. А приезжих нам всегда есть чем удивить.

– Много сегодня под молоток пойдет?

– Пять вещей, – с восхищением на худощавом лице произнес Борис. – Твой подсвечник последним лотом будет.

– Нуу... опять.

– Да ты не переживай, мы оставили его напоследок... он самый интересный. Остальные вещи... – Борис скривил рот и добавил: – Э-э-э... Лучше расскажи, где ты все это находишь?

– Ох, Борис Борисыч, тебе расскажи, сам конкуренцию мне составишь!

– Я бы и не прочь, но, боюсь, отец не одобрит.

– Бабу еще не нашел? – сменил тему Мирон. Борис смущенно увел взгляд. – Нашел? – заискрился в улыбке. – Ну, самец! Я знал, что девственником не помрешь!

Борис изменился в лице, глаза погрузнели, он выдавил:

– Слышал, Леся от тебя ушла...

– Пойдем, – перебил его Мирон. – Сейчас начнется!

Они прошли в просторный светлый зал и расположились на последнем ряду. Шум, царивший минутами ранее, плавно перетек в суетливое шушуканье, а после и совсем прекратился.

К трибуне вышла молодая девушка в серых брюках и такого же цвета жилетке, из-под которой выглядывала тщательно выглаженная рубашка. Волосы заплетены в косу, огибавшую плечо и золотистым ручейком спускавшуюся к груди. Мирон завороченно посмотрел на стройную ведущую и переглянулся с Борисом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.